

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного университета

ДРАМА ПРАВЛЕНИЯ РИЧАРДА III: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Аннотация:

В статье осуществляется историко-социологический анализ обстоятельств прихода к власти и правления английского короля Ричарда III (1483–1485). Автор выдвигает гипотезу о том, что столь скорый крах политики короля был предопределен проводимой им внутренней политикой, ориентированной на поддержку социального большинства, что оттолкнуло многих представителей правящего класса.

Ключевые слова:

средневековая монархия, феодализм, правящий класс, Йорки, надклассовая политика, инертность народных масс, Эдуард IV, Ричард III, Тюдоры.

Tambiyants Yulian Grigoryevich

D.Phil. (Philosophy),
Professor, Social and Cultural Sciences Subdepartment,
Kuban State Agrarian University

DRAMA OF RULING OF RICHARD III: A SOCIOLOGICAL VIEW

Summary:

The article carries out a historical sociological analysis of circumstances in which the king of England, Richard III gained power and ruled the state (1483–1485). The author sets forth a hypothesis that the fast crash of this king was predetermined by his domestic policy focused on support of the social majority that pushed away many representatives of the ruling class.

Keywords:

medieval monarchy, feudalism, ruling class, dynasty of Yorks, above-class policy, inertness of people at large, Edward IV, Richard III, Tudor dynasty.

Фигура английского короля Ричарда III, второго и последнего представителя династии Йорков, является одной из самых спорных личностей не только английской, но и, без особого преувеличения, всемирной истории. В шекспировских «исторических хрониках» он предстает, наверное, самой зловещей и неприглядной фигурой, фанатично одержимой жаждой власти, изрядно подкрепляемой комплексом неполноценности из-за врожденного физического уродства. Естественно, что совершенно по-иному видят второго монарха Йоркской династии ричардианцы – представители существующего уже почти столетие «Общества Ричарда III». Называя его «последним королем-рыцарем», они наделяют его всеми соответствующими чертами – здесь и благородство, и верность, и забота о слабых слоях населения в период недолгого правления, наконец, военное мастерство, помноженное на мужество в бою, и героическая смерть.

Между прочим (если несколько отвлечься от темы), англичанам в этом плане есть чем гордиться. Мало кто из народов западного средневековья может похвастаться монархом, доблестно погибшим на поле боя. Вспоминается разве что последний византийский император, сложивший голову при штурме Константинополя. Таковых не было даже у соседей и извечных соперников – французов (Жан Добрый, сражавшийся в первых рядах при Пуатье в 1356 г. и попавший в плен, явно не дотягивает до такой роли). А вот у англичан их целых два – Гарольд Годвинссон, павший при Гастингсе в 1066 г., и Ричард III, которого та же участь постигла при Босворте в 1485 г.

В нашем кратком исследовании мы не будем сильно вдаваться в обсуждаемый вопрос о том, кто же прав в характеристике фигуры последнего Йорка. В этом плане можно отметить, что за последние пару-тройку десятилетий ричардианцы получили перевес, а их позиция в какой-то мере приблизилась к трактовкам официальных историков, причем таких, которых трудно заподозрить в предвзятости и необъективности (М. Барг, В. Устинов). В пользу укрепления этой точки зрения определенным образом сыграло найденное совсем недавно – в 2012 г. – место захоронения короля в районе современного Лестера. Можно с удовлетворением констатировать торжество исторической правды. Однако, оставив за скобками метафизический фактор «высшей справедливости», кратко коснемся обоснования более насущных причин.

Прежде всего отметим, что противоположная точка зрения изначально базировалась на крайне зыбкой почве. Известная драма В. Шекспира никак не может трактоваться в качестве исторического источника, что, впрочем, относится и к другим произведениям великого (без преувеличения) драматурга. Его в большей степени заботило полотно человеческих страстей, чувств, переживаний, ради изображения которых он безжалостно перетасовывал исторические факты (практически то же самое делают авторы историко-приключенческих романов, но уже ради сюжета).

Наконец, считается, что Шекспир руководствовался произведением Томаса Мора «История короля Ричарда III», написанным в 1513 г. Вроде как Т. Мор – признанный мыслитель. Однако есть все основания считать его одним из идеологов воцарившейся после босвортской битвы династии

Тюдоров. Его отец, состоятельный представитель третьего сословия, получил дворянство при первом короле этой династии Генри VII. Сам Томас Мор долгое время входил в ближайшее окружение следующего Тюдора – Генри VIII, служа ему пером не менее ретиво, чем другие – мечом. Письменная полемика с М. Лютером, официально приписываемая Генри VIII, считается плодом размышлений именно Т. Мора. Однако дружба сильных мира сего нередко оказывается весьма зыбкой вещью, что и продемонстрировала судьба знаменитого мыслителя-гуманиста. Отказ принимать присягу королю Генри VIII как главе английской церкви стоил Т. Мору головы. «История короля Ричарда III» считается обличительным памфлетом против тирании, но в свете подобных обстоятельств напрашивается вопрос – чьей именно тирании?

Современные труды сторонников моровско-шекспировского подхода (для удобства подобную позицию мы будем обозначать этим понятием) выдержаны опять же более в идеологическом, чем в научном тоне. Например, созданная в 1980-х гг. монография Ральфа Гриффитса и Роджера Томаса «Становление династии Тюдоров», выпущенная в 1997 г. ростовским издательством «Феникс» [1]. Эта работа написана живым, увлекательным языком (надо отдать должное авторам) и гораздо больше напоминает историко-приключенческий роман, чем серьезное научное исследование. В ней практически отсутствует объективный социологический анализ, а авторы зачастую оперируют непроверенными историческими фактами, которые явно отобраны в угоду их позиции – оправдания и даже некоторого прославления первого короля династии Тюдоров. Простой пример – на протяжении всей книги неоднократно подчеркивается безусловное юридическое право Генри Тюдора на английский престол в силу его принадлежности клану Ланкастеров. Между тем Вадим Устинов убедительно доказывает (со ссылками на средневековое английское право), что Генри Тюдор никак не принадлежал к дому Ланкастеров и его воцарение в качестве короля после битвы при Босворте было со всех точек зрения узурпацией трона, чего не скрывал и сам новоиспеченный монарх [2, с. 43].

Впрочем, мотивы написания книги Р. Гриффитса и Р. Томаса легко угадываются – первый автор (он является, кстати, основным творцом), судя по фамилии, явный валлиец. Он долго и с удовольствием описывает уэльские корни Генри Тюдора и внимание последнего к валлийской культурной традиции – старший сын Генри VII был назван Артуром по имени легендарного вождя бриттского (валлийского) сопротивления англо-саксонской экспансии. То есть воцарение Тюдоров давало хоть какой-то повод видеть здесь своеобразный реванш бриттов над победившими их англосаксами. Так что по-человечески здесь Р. Гриффитса понять можно, но его труд вряд ли стоит принимать за научную истину.

Представители воцарившейся Тюдоровской династии, ведущие свое происхождение из Уэльса, уделяли большое внимание именно информационно-идеологической составляющей легитимности своего режима, надо отдать им в этом плане должное. И ставка была сделана именно на создание соответствующего демонического образа последнего короля династии Йорков – ответвления рода Плантагенетов (другим ответвлением являлся дом Ланкастеров), имеющего французско-анжуйские корни. История создания мифа о Ричарде III описана в многочисленной литературе и в настоящий момент мало кем оспаривается.

Дело в том, что развитие событий, происходившее за два года правления Ричарда III, и их исход нам представляются в целом закономерными и отвечающими определенной исторической логике. Сторонники моровско-шекспировской традиции и считают, что быстрый конец правления этого монарха был обусловлен его сверхдиктаторской политикой, оттолкнувшей даже многих его соратников. Как ни странно, но они кое в чем правы, а именно в последнем. Однако, с нашей точки зрения, потеря сторонников произошла совсем по иным причинам, объяснение которым мы и хотим предложить в данной статье. Разумеется, это будет только гипотеза, и она не может служить единственным объяснением столь быстрого краха политики названного монарха. Но мы не исключаем, что наше предположение могло послужить если не важнейшей, то одной из основных причин.

Наше объяснение будет носить в основном политико-социологический смысл и базироваться на стыке элитистского и марксистского подходов. Некоторый методологический синтез названных теорий описан в нашей последней фундаментальной работе, именно к нему мы намерены обратиться [3]. Теория элит в ее классическом выражении (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) настаивает на постоянном наличии элиты – социальной группы, занимающей привилегированное положение ввиду обладания ресурсами соответствующего общественного значения. Правда, Г. Моска предпочитает употреблять понятие «правлящий класс», но принципиально это не меняет сути социологической трактовки элиты.

Правящий класс всегда более консолидирован, тяготеет к замкнутости и стремится к укреплению собственного положения. В этом плане закономерно, чтобы политика государства проходила именно в нужном русле, хотя важнейшей функцией государственных институтов выступает забота об интересах всего общества (национальных интересах), а не одной его верхушки. Хотя последняя и стремится выдать собственные групповые интересы за всеобщие (национальные), очень часто это далеко не одно и то же. Более того, временами это вещи противоположные, и

преследование элитой своих целей ущемляет интересы общества в целом, что может вызвать противодействие и не только со стороны последнего, но даже со стороны самой элиты, вернее отдельных ее представителей или группировок. Исходя из этого, вполне естественно, что элита стремится контролировать деятельность основных политических субъектов, а именно первых лиц государства. С точки зрения марксистов, господствующий класс перетягивает государство на свою сторону в процессе классовой борьбы, что ему обычно удается, и государство приобретает классовый характер. По мнению этой научной школы, данный процесс по сути дела неизбежен, так как лидирующий класс располагает всеми возможностями для контроля над государственным аппаратом.

Однако в истории такое постоянное вовсе необязательно. Даже сами марксисты неохотно признают, что бывают случаи, когда государственный аппарат как бы приподнимается над противостоянием социальных групп [4, с. 364], заставляя их работать на общественные (национальные) интересы. И здесь на первый план может выйти субъективный фактор, обычно принижаемый сторонниками марксизма, а именно личность первого лица (или в определенных случаях лиц), в связи с чем приходят на ум трактовки героических личностей Т. Карлейлем, Г. де Тардом, в некоторой степени Ф. Ницше. Однако в данном случае первое лицо государства вызывает не только надежды социального большинства, но и зачастую настороженное, если не враждебное, отношение многих своих приближенных.

Надо сказать, что в современном мире при видимом торжестве демократии и выборного принципа доминирует именно групповой интерес элит, как это точно показывают исследования последних десятилетий (К. Крауч, К. Лэш, Д. Харви). Просто господствующий класс, стоящий ближе других к правительственным структурам и механизмам их формирования, сумел неплохо приспособить последние под себя даже при видимом соблюдении принципов демократии. Нынешняя элита практически перекрыла все легальные пути попадания на ведущие государственные роли «не своего человека». Похожим образом ведут себя господствующие группы и при других формах правления. Но, как ни странно, в условиях монархии имеется небольшая «лазейка», которая может привести на престол человека, не во всем настроенного потакать элите. Принцип престолонаследия обойти было не так-то просто, и временами во главе государства оказывался тот, кто ставил своей главной целью его благополучие, напрямую связывая последнее с общественным благосостоянием.

Имела место и кардинально противоположная ситуация, наподобие той, что сложилась в Английском королевстве середины XV столетия. Здесь примерно с 1437 по 1460 гг. у власти находился Генри VI Ланкастер, который был хорошим человеком, однако совершенно не обладал способностями государственника и, кроме того, периодически страдал серьезным психическим заболеванием, вероятно переданным по наследству. Это обстоятельство внесло решающий вклад в дестабилизацию общественной обстановки, которую известный специалист-историк Вадим Устинов склонен рассматривать в сочетании объективных и субъективных факторов, что дает его подходу серьезное методологическое основание.

С одной стороны – личность короля, не разбиравшегося в политических вопросах и полагавшегося здесь на мнение своей энергичной и безжалостной жены-француженки Маргариты Анжуйской, которой, при ее безграничном властолюбии, были совершенно чужды английские внутренние, да и внешние интересы. Кроме того, названный монарх, искренне верящий в дружбу, старался всячески ее доказать, беспрецедентно щедро раздавая титулы, должности, пенсии своим фаворитам, подрывая тем самым финансовое положение государства.

С другой стороны, имели место определенные экономические трудности, связанные с ведением военных действий на континенте (Столетняя война) и помноженные на расточительность правительства. Наконец, общий уровень стабильности и порядка был крайне низок в основном из-за частной феодальной вражды и слабости государственных правоохранительных структур. Частная вражда подпитывалась системой «ублюдочного феодализма», отличавшейся от феодализма классического. Ее суть заключалась в содержании лордами частных армий, размеры которой определялись исключительно денежными возможностями конкретного магната-землевладельца. «Документы изобилуют рассказами об убийствах, избиениях, разрушениях замков, грабежах, которые чинили вооруженные свиты лордов. По большей части эти акции проводились при попустительстве могущественных придворных покровителей, которые оберегали нарушителей спокойствия от возмездия, запугивали недовольных и вынуждали пострадавших хранить молчание» [5, с. 63–64].

Наконец, обязательно следует принять во внимание еще одно обстоятельство, поскольку, с нашей точки зрения, оно оказало едва ли не решающее воздействие на судьбу царствования Ричарда III и вообще Йоркской династии. Речь идет об инертности народных масс, о чем пишет В. Устинов, отмечая, что главными действующими лицами в Войнах Роз были крупные землевладельцы, носители высоких дворянских титулов. По всей видимости, данное обстоятельство вообще присуще большей части средневекового периода (да и современная якобы высокая степень участия социального большинства в условиях республиканских демократических режимов многими ставится под сомнение). Массовая активность представителей народа приходилась на периоды стихийных восстаний, время от времени потрясавших порядок зрелого и позднего феодализма.

Например, Английское королевство за полтора столетия пережило как минимум три довольно масштабных массовых движения: под руководством Уота Тайлера в 1381 г., под руководством Джека Кэда в 1450 г. и социально-религиозное движение под названием «Благодатное паломничество» в 1530-х гг. Всё остальное время народные массы были политически пассивны, а реальными политическими субъектами (и, стало быть, инициаторами социальных изменений) были представители правящего класса или элиты.

Итак, кризис английского общества к середине XV в. принял совершенно отчетливые очертания. Внутренняя дестабилизация дополнялась внешними проблемами – обстановка на континенте (Столетняя война) складывалась явно не в пользу английской стороны. В этих условиях закономерна реакция общественного организма, выражением которого стали политические притязания герцога Ричарда Йоркского – одного из высших представителей национальной аристократии. Его экономические ресурсы (один из крупнейших землевладельцев) дополнялись юридическими – он происходил из рода Йорков, боковой ветви королевской династии Плантагенетов (напомним, что другой ветвью были ланкастерские короли), и имел право на престол. Безусловно, в своих политических стремлениях он руководствовался не только заботой о национальных интересах, но и личными амбициями. Однако в этом случае одно не противоречило другому. Как бы то ни было, деятельность герцога Йоркского, согласно В. Устинову, привлекла к нему многих сторонников как из числа английской аристократии, так и людей незнатного происхождения. В целом симпатии представителей простонародья были на стороне Йорков [6, с. 57], хотя вовсе не это обстоятельство обусловило победу последних в Войне Роз и их временное воцарение на британском троне.

Рассмотрим структуру английского дворянства или, условно говоря, правящего класса с точки зрения его политических предпочтений в ходе продолжительного внутреннего конфликта, известного как Война Алой и Белой розы. Нам представляется возможным выделить здесь три условных группировки. Две из них включали ярких приверженцев той или иной ветви королевского дома Плантагенетов. Так, роды Бофортов, Клиффордов, де Веров, Перси являлись стойкими приверженцами дела Ланкастеров, тогда как Фитцаланы, Моубрей, Хастингсы, Невиллы (до перехода Ричарда Невилла на сторону Ланкастеров в силу почти извиняющих его обстоятельств) держали сторону Йорков. Третья группировка, судя по всему самая многочисленная, состояла из представителей своеобразного «болота», если выражаться языком современной электоральной социологии. Это были те, кто выбирал сторону, сообразуясь с обстоятельствами и личными интересами. Тут могли быть как отдельные представители знатных родов (Стаффордс), так и целые семейства – Вудвиллы, Риверсы, Грей и т. д.

В силу того, что мы поддерживаем позицию историка В. Устинова, считающего Войну Роз по большей части конфликтом внутри элиты (хотя и вызванным системными проблемами), логично предположить, что главным фактором успеха было привлечение на свою сторону этого самого «болота». Вожди Йорков сумели частично преуспеть в этом плане, хотя следует предположить, что захватом трона они больше обязаны таланту полководцев, доблести и стойкости своих армий, а возможно, и некоторому везению в сражениях – ведь, как правило, йоркистские армии численно не превосходили ланкастерские, зачастую уступая им в этом компоненте.

Воцарившийся с 1461 г. первый монарх династии Йорков Эдуард IV (старший сын погибшего герцога Ричарда Йоркского) вел политику в целом достаточно взвешенную и разумную, хотя и не избежал серьезных ошибок. За них впоследствии пришлось расплачиваться как ему самому, так и его младшему брату, второму и, как оказалось, последнему представителю Йорков на троне – Ричарду III.

Как подчеркивает историк В. Устинов, именно Эдуард IV заложил основы многих принципов английского абсолютизма, которыми впоследствии руководствовались короли династии Тюдоров. Здесь российский ученый опровергает устоявшуюся точку зрения многих исследователей (например, С. Хантингтона), приписывающих подобную заслугу именно Тюдорам. Правление Эдуарда IV было «автократично, но с согласия его подданных» [7, с. 273], поскольку принесло обществу внутренний порядок и стабильность. Он сумел оздоровить государственную финансовую систему, сбалансировав доходы и расходы, что резко отличало его от Ланкастеров, никогда не живших по средствам. Была частично восстановлена власть закона, а местным судам были даны новые полномочия для борьбы с феодальной вольницей. Кроме того, было создано несколько судебных органов экстерриториального назначения, такие как Суд Лорда Верховного констебля и Суд Звездной палаты. В результате применения этих мер резко пошла на спад практика содержания частных армий, хотя и не до конца, что показало развитие ситуации в битве при Босворте.

Что касается промахов, то одной из главных ошибок Эдуарда IV, бесспорно, явился его демарш против верного союзника Йорков – графа Ричарда Невилла Уорикского. Речь идет о браке молодого короля с Элизабет, представительницей семьи Вудвиллов-Риверсов, до этого державших сторону Ланкастеров. Естественно, пошли прахом усилия графа Уорика, который, стремясь упрочить положение недавно занявшей трон династии, уже практически достиг соглашения о же-

нитьбе Эдуарда на французской принцессе. Возможно, что пылкого и по натуре независимого короля – отважного воина и правителя – действительно тяготила опека со стороны могущественного рода Невиллов (не случайно граф Уорик уже в те времена получил прозвище «делатель королей»), нельзя исключать и степень мужского увлечения – в этом Эдуард неоднократно демонстрировал свою слабость. Чем бы ни был вызван подобный шаг, но он внес серьезный раскол в лагерь йоркистов и, по нашему мнению, сыграл не последнюю роль в самом факте их недолгого пребывания у власти. «Этот импульсивный брак, – пишет В. Устинов, – по любым оценкам являлся откровенным мезальянсом, совершенно неприемлемым политически для короля» [8, с. 241].

Неожиданная королевская женитьба явилась только началом целой цепочки действий, результатом которых было приближение семьи Вудвиллов-Риверсов к трону при одновременном удалении Невиллов. Отец, братья и даже дети от первого брака королевы Англии Элизабет в одночасье получили высокие титулы, для некоторых из них были организованы выгодные браки, в то время как члены семьи Невиллов, преданно служившие как отцу Эдуарда IV герцогу Йоркскому, так и самому Эдуарду, почти демонстративно отодвигались на второй план. Спустя несколько лет такая политика вылилась в мятеж «делателя королей», который поначалу (видимо пытаясь сохранить честь) сделал ставку на среднего сына герцога Ричарда Йоркского – Джорджа Кларенса, а затем восстановил на троне томившегося в йоркистском плену Генри VI Ланкастера. Эта угроза, правда, была успешно устранена Йорками в результате так называемой Второй Войны роз (1469–1471). Граф Уорик и незадачливый ланкастерский король Генри VI погибли, а Эдуард IV вернул себе британскую корону, которую не снимал еще 12 лет до момента своей внезапной смерти в 40-летнем возрасте.

Однако результат смены приближенных имел долгосрочные последствия, причем как внутреннего, так и внешнего плана. Что касается первого, то к трону была приближена часть того самого дворянского «болота», но за счет откровенного «опускания» одних из наиболее твердых йоркистских соратников – Невиллов. То, что Вудвиллы-Риверсы представляли собой именно не слишком надежное «болото», показали дальнейшие события.

С одной стороны, об этом свидетельствуют их действия – как при жизни Эдуарда IV, так и в период междуцарствия (апрель – июнь 1483 г.) Вудвиллы-Риверсы прежде всего преследовали личные интересы – власть и обогащение. Например, вопреки последней воле Эдуарда IV этот клан стремился после смерти последнего не допустить протектората младшего брата короля Ричарда Глостера (будущего Ричарда III), а побыстрее короновать 12-летнего Эдуарда V, дабы регентшей стала королева-мать, которой при подобном раскладе переходила бы вся полнота верховной власти. Как указывает историк М. Барг, в официальных документах тех дней не упоминалось имя протектора, зато фигурировала мать-королева [9]. В это же время сын королевы от первого брака Томас Грей маркиз Дорсет, являвшийся комендантом Тауэра, захватил монетный двор и вывез отсюда несметные сокровища, которые впоследствии так в королевскую казну и не вернулись.

С другой стороны, общественное мнение никогда не было особенно благосклонно к клану Вудвиллов-Риверсов, рассматривая их как нечистых на руку выскочек, что в целом соответствовало действительности. Это понимали как простой народ, так и большая часть английского правящего класса, дружно поддержав узурпацию трона Ричардом Глостером летом 1483 г. По всей видимости, непопулярность Вудвиллов-Риверсов и заставила умирающего короля Эдуарда назначить лордом-протектором именно младшего брата.

В плане внешних последствий отказ Эдуарда IV от брака с французской принцессой пресек возможность союза двух королевств. Во внешнеполитической ориентации Йорки делали ставку теперь на Бургундское герцогство. Как показали события, французская помощь всё же имела более существенный вес, чем бургундская, вероятно в силу того простого обстоятельства, что Франция располагала значительно большими ресурсами. Так, поддерживаемый Францией Генри Тюдор в ходе своего, как оказалось, успешного вторжения на Британские острова имел армию в 5 тыс. наемников. А вот вдовствующая герцогиня Бургундская Маргарита (сестра Эдуарда IV и Ричарда III), пытаясь вернуть английский трон Йоркам, смогла предоставить только 2 тыс. наемников, что оказалось явно недостаточно и предопределило поражение йоркистов в битве с королевской армией Генри VII при Стоук-Филде.

Но перейдем к правлению самого Ричарда III, ибо здесь он предпринял немало любопытных шагов, жестко оттеснив от высших структур управления Вудвиллов-Риверсов. Мероприятия названного монарха, с нашей точки зрения, дают основание причислить его к не такой уж обширной когорте «надклассовых» правителей. Прежде всего, надавив на Парламент, новоиспеченный король добился усвоения законодательной системы. Были объявлены незаконными «добровольные пожертвования» – так называемые беневоленции, которые простые люди были вынуждены делать в пользу сильных мира сего формально на добровольной основе. Ричард III «защищал права Церкви, стремился оградить своих подданных от угроз физической расправы, от угнетений и вымогательств. Король обеспечил судам возможность делать свою работу,

не опасаясь постороннего вмешательства. Он боролся с грабежами и другими серьезными преступлениями, уничтожал бандитизм на дорогах. Все подданные, независимо от их положения и состояния, получили право на прямую королевскую защиту, и многие проблемы простых людей Ричард III действительно решал очень оперативно» [10, с. 300].

Показательно, что при жизни последнего короля Йоркской династии характеризовали как «могущественного принца и очень доброго лорда», «наказывающего нарушителей закона, в особенности притеснителей общин, и поощряющего тех, кто показал себя добродетельным, заслужившего большую благодарность и любовь всех своих подданных, богатых и бедных, и добрую славу среди всех других народов» [11]. Разумеется, что характеристики названного монарха приобрели прямо противоположный смысл при следующем царствовании Генри VII, как известно приложившего много усилий и средств к созданию демонического образа Ричарда III, что являлось частью его довольно продуманной идеологической политики.

Но по большому счету речь сейчас не об этом. Как нам представляется, политика Ричарда III вполне могла привлекать (и, судя по всему, привлекала) симпатии большинства населения, но вряд ли могла сильно понравиться лидирующим социальным группам средневековой Англии. Речь идет как раз о сильных мира сего, многие из которых наверняка с ностальгией вспоминали не столь уж давние времена вольницы при последнем Ланкастере, да и упомянутые беневоленции, жестко отмененные королем Ричардом, широко практиковались в период правления его старшего брата.

Вполне возможно, хотя это только наше предположение, что направление внутренней политики Ричарда III быстро обозначило себя, вызвав соответствующую реакцию многих представителей правящего класса. Речь идет о мятеже герцога Бакингемского уже осенью 1483 г., который имел целью возведение на престол Генри Тюдора. Мятеж был разгромлен, однако он привлек уже тогда ряд бывших сторонников Ричарда III, помогавших ему в борьбе с Вудвиллами и, видимо, рассчитывающих на ряд королевских благодеяний (взять того же герцога Бакингемского). Многие из них спустя два года охотно приняли участие во втором вторжении Тюдора на Британские острова, закончившемся успехом.

Наконец, выступление лорда Стэнли против Ричарда III, повернувшего свою частную армию в поддержку Генри Тюдора в битве при Босворте, лишний раз свидетельствует о неприязни многих представителей элиты ко второму королю Йоркской династии. В ходе названного сражения после гибели герцога Норфолкского в распоряжении короля Ричарда, по сути дела, оказался только узкий круг верных рыцарей (фактически его личная дружина), с которыми он, естественно, был обречен на поражение. Конечно, грубой ошибкой этого монарха было полагаться на столь ненадежную личность, каким был возведенный в высокое звание лорда-констебля Томас Стэнли. Представители этого рода являли собой типичный пример «болота», переходя из лагеря в лагерь в основном из соображений личной выгоды или безопасности. Неслучайно Генри VII Тюдор после своего восшествия на престол положил решительный конец существованию частных армий, что наверняка произошло в том числе и под впечатлением от битвы при Босворте.

Первый король Тюдоровской династии предпринял и ряд других шагов, упрочивших его власть. Им были щедро вознаграждены многие сторонники из числа английского дворянства, причем, наряду с примкнувшими к нему давними сторонниками Ланкастеров (Джаспер Тюдор, Джон де Вер граф Оксфордский), в его свиту входили многочисленные представители «болота» – например тот же клан Вудвиллов-Риверсов. Об этих награждениях много пишут в своей книге упомянутые в начале статьи авторы Р. Гриффитс и Р. Томас. Правда, они ничего не говорят о том, что подобная щедрость, проявленная новоиспеченным монархом по отношению к старым и новым сторонникам, стоила стране драконовской системы налогообложения.

Последняя получила название «Вилки Мортон» и связывается с именем лорд-канцлера и архиепископа Кентерберийского Джона Мортон, известного в те времена аристократа-интеллектуала, немало сделавшего для создания легенды о Ричарде III. Суть разработанного им налогового подхода сам Д. Мортон ясно изложил в следующем постулате: «Если подданный живет скромно, скажите ему, что его бережливость позволяет оказать щедрость по отношению к королю. Если, напротив, подданный живет расточительно, скажите ему, что он также может позволить себе дать королю больше, ведь его траты служат доказательством его богатства» [12, с. 324]. (Кстати, Томас Мор являлся учеником именно Джона Мортон, из чего становится ясной его политическая ориентация). Судя по всему, «Вилка Мортон» позволила Генри VII не только проявлять щедрость в отношении поддержавших его аристократов, но и не забывать себя самого – к моменту своей смерти (1509) его личное достояние исчислялось в полтора миллиона фунтов стерлингов – сумма по тем временам астрономическая [13, с. 149].

А что же народ, вроде бы любивший Ричарда как в бытность его герцогом Глостерским, так и после занятия им трона? Вскоре после битвы при Босворте хроника города Йорка, где долго проживал Ричард еще в статусе герцога Глостерского, выражает подлинную скорбь по поводу поражения и гибели последнего короля Йоркской династии. Но это, в общем-то, и всё. Как совершенно верно отметил историк В. Устинов, народные массы средневековья были довольно-таки

инертны. Две попытки вернуть свергнутой династии трон, предпринятые сторонниками Йорков уже в первые два года правления Тюдора, оказались неудачными именно по причине отсутствия массовой поддержки, хотя эти попытки предпринимались в тех регионах Англии, где как раз и были популярны Йорки.

Так, мятеж братьев Хамфри и Томаса Стаффордов, а также виконта Фрэнсиса Ловелла (давнего личного друга Ричарда III) был подавлен еще даже до сражения. Обещание королевского помилования рассеяло и без того некрупные силы, которые удалось собрать мятежным лордам. Более решительная попытка была предпринята Маргаритой, герцогиней Бургундской, и графом Линкольнским Джоном де Ла Полем (официальным наследником Ричарда III), которые снарядили отряд в 2 тыс. немецких наемников, высадившихся в Англии. Однако к этому отряду не спешили примкнуть ни народные массы, ни городские ополчения. Слабым дополнением оказались лишь плохо обученные ирландцы, приведенные сэром Т. ФитцДжералдом, которые не оказали (да и не могли оказать) существенного влияния на ход сражения при Стоук-Филде 16 июня 1487 г. Большие потери королевской армии (3 тыс. чел.) нанесли двуручники немецких наемников, которые долгое время стойко противостояли количественно намного превосходящим силам, едва не переломив ход битвы. Однако и немецкий отряд в конце концов был сломлен, а возглавлявший его капитан Мартин Шварц погиб вместе с графом Линкольнским. После этого особо серьезных угроз трону Тюдора больше не возникало. Йорки, одержавшие две блестящие победы в обеих Войнах Роз, окончательно сошли с исторической сцены.

Итак, мы полагаем, что в недолгом правлении короля Ричарда III Йоркского сыграли ведущую роль два обстоятельства.

Во-первых, ошибки Эдуарда IV, который своим приближением представителей «болота» (Вудвиллы-Риверсы) и удалением от трона более верных сторонников (Невиллы) изначально подточил социальный фундамент воцарившейся Йоркской династии. Внешнеполитическая ориентация на Бургундию вместо Франции также в целом стратегически себя не оправдала.

Во-вторых, более весомой причиной явился характер внутренней политики самого Ричарда III. Проводя преобразования в интересах социального большинства, он уделял недостаточно внимания созданию прочной опоры собственной власти среди правящего класса. Следует предположить, что если бы король в первую очередь предпринял шаги именно в этом направлении, то его политика была бы стратегически выверенной и наверняка продлила бы время правления Йорков. Кстати, именно таким образом поступил следующий король и удачливый соперник Ричарда III – Генри VII, что, впрочем, не помешало ему под теми или иными предлогами вырезать практически всех аристократов, имеющих отношение не только к Йоркам, но и шире – к дому Плантагенетов [14, с. 316–319]. Об этом красноречивом факте также ничего не упоминается в книге Р. Гриффитса и Р. Томаса, что вполне логично, поскольку династию Тюдоров авторы явно стремились представить в благоприятном свете.

В то же время Ричард III, правивший всего два года и потерявший за это время единственного сына и жену, в чем-то оказался более удачлив в плане исторической перспективы. Уже одно то, что в памяти потомков он предстал в образах весьма незаурядных – от закоренелого злодея до возможно где-то идеализированного храбреца и доброго к своим подданным короля. Кстати, созданию подобного образа серьезно способствовали исследования женщины (психолога С. Стратиевской, писателя С. Кузнецовой), что вполне понятно, учитывая романтически-сентиментальную линию, свойственную женскому сознанию. Значительно более сдержанно-объективными выглядят рассуждения мужчин-историков (В. Устинова, М. Барга). Как бы то ни было, но история не помнит других монархов, имя которых уже на протяжении столетия носило бы международное общество.

Ссылки:

1. Гриффитс Р., Томас Р. Становление династии Тюдоров. Ростов н/Д., 1997.
2. Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012.
3. Тамбиянц Ю.Г. «Открытое общество»: идеология и реальность. Краснодар, 2014.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Генри Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1985. Т. 3.
5. Устинов В.Г. Указ. соч.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Барг М.А. Шекспир и история: хроники в зеркале истории [Электронный ресурс]. URL: <http://kamsha.ru/york/spvsyk.html> (дата обращения: 03.11.2014).
10. Устинов В.Г. Указ. соч.
11. Барг М.А. Указ. соч.
12. Устинов В.Г. Столетняя война и Войны Роз. М., 2007.
13. Там же.
14. Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров.

References:

1. Griffiths, R & Thomas, R 1997, *Formation of the Tudor dynasty*, Rostov-on-Don.
2. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.
3. Tambiyants, YG 2014, "*Open Society*": *ideology and reality*, Krasnodar.
4. Engels, F 1985, 'The Origin of the Family, Private Property and the State. In connection with studies of Lewis Henry Morgan', in Marx, K & Engels, F, *Selected Works: in 3 vols.*, Moscow, vol. 3.
5. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.
6. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.
7. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.
8. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.
9. Barg, MA 2014, *Shakespeare and History: Chronicles in the mirror of history*, retrieved 03 November 2014, <<http://kamsha.ru/york/spvskyk.html>>.
10. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.
11. Barg, MA 2014, *Shakespeare and History: Chronicles in the mirror of history*, retrieved 03 November 2014, <<http://kamsha.ru/york/spvskyk.html>>.
12. Ustinov, VG 2007, *Hundred Years War and the Wars of the Roses*, Moscow.
13. Ustinov, VG 2007, *Hundred Years War and the Wars of the Roses*, Moscow.
14. Ustinov, VG 2012, *Wars of the Roses. York against Lancaster*, Moscow.